

Тетерев токовал красиво. Ходил, вышагивая, по оттаявшей траве и влажным земляным проплешинам, издавал призывный клич и махал крыльями, а потом вдруг вытягивал головку с алыми щеками вниз и начинал иную песнь — нежную, тихую, словно обещал что-то особенное невзрачным серым курочкам, притаившимся в кустах ольховника.

Баки лежал, едва дыша, за копной жухлого прошлогоднего болеголова, и наблюдал. Сначала он хотел пришибить тетерева из пращи, принести друиду на похлёбку. Но больно уж тот старался на току, хорохорился, перья на зобу переливались разными цветами от солнечных бликов — у Баки рука не поднялась. Он даже рад был, что не взял сегодня волчат с собой — те точно бы не улежали, не утерпели бы, спугнули птиц тьявканьем.

Баки смотрел, удивляясь, как токующий тетерев повторяет и повторяет без устали путь по своему угодию, кричит и поёт в надежде обрести пару. И тогда в кустах — этих или может тех, чуть дальше, скоро появится гнездо, в которое курочка отложит серо-оливковые яйца. Мальчишками они находили гнёзда и съедали тетеревиную кладку сырой, убегая потом играть дальше. И никогда ему не казалось, что делают они зло. Они всего лишь утоляли свой голод. Разве их вина, что гнёзда эти в кустах по берегу реки найти было так просто?

Баки вздохнул. Сейчас эти обрывки воспоминаний несли холод и тревогу, щемящую внутри и ноющую, как воспалённая заноза. От влажной земли тянуло сыростью даже через накиннутую поверх плеч и груди шкуру, было твёрдо и неровно — но Баки лежал. Очнулся только тогда, когда пробежавшая мимо ласка спугнула курочек и тетерева, и тот, раздражённо кудахча, вспорхнул на низкую ветку берёзы. Солнце, то и дело скрываемое стадами серых облаков, давно ушло из зенита. Зябко потянуло сыростью. Пора было возвращаться — сегодня без дичи. Ничего, поедят пустую кашу. А завтра он обязательно чего-нибудь добудет и на еду, и на обмен.

Друид нашёлся там же, где Баки оставил его, уходя на охоту. Сидел, греясь в последних вечерних лучах солнца на ворохе старых шкур. В его тонких, чутких пальцах порхала длинная костяная игла, он сшивал что-то грубыми нитками, которые смог свить сам из волчьего подпушка. Удивительные вещи порой делал он, такие, о которых в прошлой жизни Баки и не задумывался — просто брал и пользовался, не спрашивая, откуда взялось. Друид даже окрашивал часть нити углём и шил на ткани узоры, каких Баки никогда не видел. А потом, редко когда говоря хотя бы слово, кидал ему рубаху и одним взглядом заставлял надеть. Баки надевал. Ему нравилась эта спрятанная, рвущаяся из друида наружу забота. Он всегда реагировал на возвращение — взглядом летел навстречу, и улыбка наползала на бледные щёки, крася их и растягивая, как короткий лук. Всем собой подавался вперёд, будто тянулся, силился разглядеть лучше, а потом вдруг одергивал себя — и запирали свет внутри. Делал вид, что всё так, как и должно быть: он с волчатами у хижины, Баки возвращается из леса, и нечему тут удивляться.

Но Баки тоже улыбался в отросшую щетину. Тоже тянулся навстречу — последние шаги до опушки едва ли не бегом бежал каждый раз. Главное, что он знал, его ждут. Чувал нутром, как воин и охотник.

— Сегодня пусто? — спросил друид, только Баки поравнялся с хижинкой.

— Пора готовить снасть и ходить за рыбой. Река на севере и то озеро уже вскрылись ото люда,
— вместо ответа сказал Баки. — У нас ведь остался последний кусок волчатины?

Стив скривился так, словно у него остро заболел зуб.

— Она уже с душком.

— Тогда вынеси её из ледника и кинь щенкам. Да посмотри, чтобы обратно не заволокли под полог.

Волчата делали вид, что спят — только ушами прядали от любопытства. Друид смотрел на него снизу вверх, будто хотел ещё что-то сказать, спросить ли. Но молчал. Игла застыла в его пальцах, не коснувшись грубой ткани. Баки тихо хмыкнул себе под нос и, скинув шкуру с плеч и подхватив деревянное ведро, пошагал к ручью за водой. Хотелось есть, а друид не оставлял своё шитьё, пока не закончит — так что готовить предстояло самому.

Очаг незаметно переместился из землянки на воздух, здесь же Баки развёл огонь и принялся кашеварить. Под вечер становилось почти по-зимнему зябко и свежо, с небес порой вместо дождевой пыли сыпалась круглая снежная крупка, но это ни его, ни друида не удивляло. Что на землях отца, что здесь погода баловалась одинаково.

— Сегодня вокруг поляны ходил медведь, — негромко сказал друид, дуя на деревянную ложку с пустой похлёбкой. На поверхности плавали редкие стебельки дикого чеснока, и Баки знать не знал, где друид их взял и когда успел кинуть в горшок.

— Нужно заготовить колья, — посуровев, Баки подумал лишь о том, что сейчас у него шансы отбиться от медведя одному малы как никогда. Задерёт обоих, и останутся они тут, посреди леса, неприкаянными духами. — Может быть, устроить ему яму-ловушку...

— Нет, — друид перебил и за руку схватил, да так резко, что Баки вывалил всё из ложки на себя. Похлёбка обожгла через ткань рубахи, но пальцы друида на запястье жгли сильнее. — Нельзя его убивать.

— Лучше, пускай он нас?

Баки был бы рад, продлись это мгновение подольше. Они сидели так близко, и друид смотрел на него во все свои голубые глаза, стискивая руку пальцами. Пока не одумался и не потупился — тогда, когда у Баки сердце начало в самом горле биться, тяжело, взволнованно. И руку убрал...

— Он не тронет. Он старый, не может нормально охотиться. И пару не находит, потому что медведицу уже не в силах отбить. Он медленно умирает, — друид шмыгнул носом, — но остаётся хозяином леса. Сколько я здесь, ни разу не обидел. Даже на поляну не выходил.

— И давно ли ты здесь живёшь? — Баки хотел посмеяться, да не вышло.

— Седьмую весну, — ответил друид и с вызовом поднял взгляд. — Алая нашла меня в лесу семь весен назад. Я должен был умереть в холод. Но я вот он. Живой.

— А наставник твой? — тихо спросил Баки. Картина ему рисовалась страшная. Друид едва ли пережил семнадцать весен. И семь из них обитал на этой вот поляне, в земляном доме. Посреди зверья, рядом с сумасшедшей ведьмой и её мертвым братом. Вдали от людей. И до сих пор жив. Даже нашествие пиктского войска его не убило — закалило, принесло беду, но оставило в живых. Так стоило ли о нём беспокоиться? Только поди, объясни это сердцу.

— Наставник пришёл сам два лета тому со стороны большой воды. Рассказывал, как приплыл на корабле из-за моря, тоже от чего-то бежал, говорил, из самого Рима или даже откуда-то ещё дальше. Многому научил меня, немного даже латыни и письму. Звёздам. Про другие земли рассказывал. А я ему про духов и травы, то что знал, и то, чему меня Алая Ванда научила.

— А до того как же ты жил тут? — не веря, продолжал расспрашивать Баки. Друид не часто был таким разговорчивым. Видно, сильно хотел отвлечь от убийства старого медведя. Хотя, и не известно было, кто в случае схватки кого прикончит. Сильно же мальчишка в него верил. Глупый.

— Жил, как жил, — нахмурившись, ответил друид, сунув в рот прошлогоднюю сухую травинку. Отвернулся от огня, так что Баки толком не видел его лица. — Первую зиму и лето с Петро и Вандой. Потом один. Я слабый был, еды не хватало, потому меня в лесу оставили. Пятый рот в семье. Алая меня нашла как-то, выходила. Петро лес лучше всех знал, охотился и кормил нас. Только после лета мне худо стало — Ванда меня пила. Не нарочно, никак ей не удержаться. Она и Петро пила, и лес вокруг. К ней порой из поселений женщины приходили ребёнка убить внутри. Она выпивала. Она же давала травы, если человек от гноя умирал или чахотки. Как богиня, едина в круге смерти и жизни... — друид замолчал, задумался, смотря на тлеющие вокруг горшка угли. — Она Петро гнала, чтобы со мной ушёл жить. Знала, что пьёт его, и однажды выпьёт. А он не ушёл. Помог мне обустроиться, землянку эту вместе с ним копали, много работы было в ту осень. Едва до зимы успели. И на Самхейн всегда приходил, был со мной, чтобы я не ушёл за охотой. Но сестру так и не бросил.

<http://erolate.com/book/3459/83644>